

Оксана Лабащук

Миф vs история в материнских рассказах о беременности и родах

Acta Universitatis Lodziensis. Folia Litteraria Rossica 4, 142-148

2011

Artykuł został opracowany do udostępnienia w internecie przez Muzeum Historii Polski w ramach prac podejmowanych na rzecz zapewnienia otwartego, powszechnego i trwałego dostępu do polskiego dorobku naukowego i kulturalnego. Artykuł jest umieszczony w kolekcji cyfrowej bazhum.muzhp.pl, gromadzącej zawartość polskich czasopism humanistycznych i społecznych.

Tekst jest udostępniony do wykorzystania w ramach dozwolonego użytku.

ОКСАНА ЛАБАЩУК
Тернополь (Украина)

МИФ VS ИСТОРИЯ В МАТЕРИНСКИХ РАССКАЗАХ О БЕРЕМЕННОСТИ И РОДАХ

Изучение современных фольклорных меморатов с точки зрения их структурных особенностей сегодня привлекает не только фольклористов, но и лингвистов, историков, использующих в своей работе устноисторические источники. Исследователи обращают внимание на соотношение структуры текста и дискурсивных практик, интенции рассказчика, а также прагматики высказывания¹. Однако наши наблюдения показывают, что некоторые особенности структурной организации меморатов определяются характером мировоззренческих представлений, которые их порождают. В меморатах часто находят воплощение мифологические представления, в том числе и мифологические представления современного человека.

Объектом нашего исследования стали натальные нарративы – рассказы матерей о их индивидуальном опыте беременности и рождения ребенка. Материалом для исследования послужили рассказы женщин, собранные методом нарративного интервью в Украине в 2006–2011 годах.

В статье используется структурно-семиотический метод, а также метод нарративного анализа текста.

В распоряжении исследователя оказываются разнообразные высказывания (как достаточно объемные, так и более краткие), в которых отображено женское знание о приобретении опыта материнства. Именно совокупность этих высказываний мы будем называть *натальным нарративом*. В рамках текста натального нарратива мы будем выделять более дробные структурные единицы, для обозначения которых предлагаем использовать распространенный в фольклористике и литературоведении термин *мотив*². Мотив изначально был выделен исследователями как семантически неразложимое целое³. Существенными для нас являются выводы о дихотомической природе мотива, разработанные А. Дандесом⁴. На основе дихотомической теории А. Дандеса русский ученый Г. А. Левинтон

¹ И. С. Веселова, *Жанры современного городского фольклора: повествовательные традиции*. Автореф. дис. канд. филол. наук, Москва 2000. *Проблемы структурно-семиотических указателей*, Москва 2006. Е. Е. Левкиевская, *Быличка как речевой жанр*, [в:] *Кирпичики: фольклористика и культурная антропология сегодня*, Москва 2008. *У пошуках власного голосу: Усна історія як теорія, метод та джерело*, Харків 2010.

² И. В. Силантьев, *Теория мотива в отечественном литературоведении и фольклористике: очерк историографии*, Новосибирск 1999.

³ А. Н. Веселовский, *Историческая поэтика*, Ленинград 1940. А. Бем, *К уяснению историко-литературных понятий*, «Известия Отделения русского языка и литературы Академии наук. 1918», т. 23, кн.1, СПб., 1919, с. 225–245. О. М. Фрейденберг, *Поэтика сюжета и жанра*, Москва 1997.

⁴ A. Dundes, *From Etic to Emic Units in the Structural Study of Folktales*, «Journal of American Folklore» V. 75, 1962, p. 95–105.

формулирует теорию сюжетобразующего потенциала мотива⁵, которую поддерживает и развивает в своих работах Б. Н. Путилов.

Мотив есть не просто элемент, слагаемое, конструирующее сюжет. В известном смысле эпический мотив программирует и обуславливает сюжетное развитие. В мотиве так или иначе задано это развитие⁶.

Такую пульсацию текста, допускающую возможность разворачивания мотива в сюжет и сворачивания отдельного сюжета в мотив, мы можем считать органичной чертой современного фольклорного материала.

Наблюдения за бытованием натального нарратива в естественной ситуации свидетельствуют о том, что эти тексты крайне редко разворачиваются как последовательный линейный рассказ. Как правило, словесное воплощение находят отдельные эпизоды из пережитого, когда рассказ о первой встрече с новорожденным продолжает воспоминание о начале беременности, а дальше мы услышим истории о хороших и плохих врачах. Некоторую линейность натальному нарративу придает ситуация нарративного интервью, когда, отвечая на вопрос: «Расскажите, как Вы стали мамой, как родился Ваш ребенок», женщина старается логически выстроить свой рассказ в хронологической последовательности.

Ю. М. Лотман считает современный сюжетный текст плодом взаимодействия и интерференции двух типов текстов – мифологического и исторического⁷. Разница между этими двумя типами текстов заключается прежде всего в двух типологических формах времени. В архаических культурах понимание времени было по-преимуществу циклическим. Человеческая жизнь мыслилась как явление, которое неразрывно связано с циклическими процессами природы, не имеющими ни начала ни конца.

В этом случае рассказ может начинаться с любой точки, которая выполняет роль начала для данного повествования, являющегося частной манифестацией безличного и бесконечного Текста. Такое рассказывание совсем не имеет целью поведать каким либо слушателям нечто им неизвестное, а представляет собой механизм, обеспечивающий непрерывность течения циклических процессов в самой природе⁸.

Зато исторический текст характеризуется прежде всего дискретностью и линейным разворачиванием времени.

Рассказывание о пережитом опыте беременности и родов в естественной ситуации происходит при непосредственном непринужденном общении двух или нескольких женщин. Как правило, они достаточно хорошо между собой знакомы, поэтому информация о том, что какая-то из присутствующих женщин в прошлом была беременна и родила ребенка, не является новостью, и вряд ли могла бы вызвать тот повышенный интерес

⁵ Г. А. Левинтон, *К проблеме изучения повествовательного фольклора*, [в:] *Типологические исследования по фольклору. Сборник статей в память В. Я. Проппа*, Москва 1975, с. 303–319.

⁶ Б. Н. Путилов, *Мотив как сюжетобразующий элемент*, [в:] *Типологические исследования по фольклору...*, с. 149.

⁷ Ю. М. Лотман, *Семiosфера*, Санкт-Петербург 2001, с. 279.

⁸ Там же, с.277.

и, самое главное, то эмоциональное напряжение, каким обычно сопровождаются подобные рассказы. Более важной, на наш взгляд, является манифестация бытийной сопричастности женщины к Великому Делу Материнства, которую должны подчеркнуть подобные рассказы. В то же время отдельные эпизоды могут содержать новую информацию, сообщать неизвестные перипетии из прошлого рассказчицы или же включать рассказ, повествующий об опыте материнства другой женщины. По мнению Лотмана, мифологический текст по своей природе является парадигматическим, его задание заключается в выстраивании определенной картины мира, установлении единства между различными сферами и явлениями мира⁹.

В современной украинской устной традиции рассказ о начале беременности повествует прежде всего о снах и предчувствиях будущей матери. Наиболее распространен рассказ о сне, в котором женщина видит или ловит живую рыбу.

Да, мне приснился сон первый дочери, шла вот перейти, и как-будто бабушка старенький выплыл с воды и подал мне беленькую ленточку – к девочке. К сыну мне приснился сон, что я в святой криничке набирала воду в ладошки, и смотрю, как бы в руках, ну, в ладошках, в водице оказался окуnek, и этот окуnek растет, растет, растет – передо мной высокий парень в красной фуражке и с красными погонами, и кто-то говорит: «Быть ему военным» [Женщина, 1946 г. р., двое детей]¹⁰.

Этот и следующий примеры иллюстрируют еще одну особенность мифологизации нарративов о беременности: это состояние не наступает само собой, а определяется высшими силами, которыми человек управлять не может. Ребенка дарит Бог, Богородица, кто-либо из предков женщины.

У мене чотири дитини: перших три дівчинки і наймолодший – хлопчик. Ще коли я народила Христину – вона найстарша – ми з чоловіком дуже хотіли хлопчика. Але народила трьох дітей і всі дівчатка. Перед тим як я дізналася, що вагітна четвертою дитиною, мені приснився мій дід, він тримав за руку маленького хлопчика, пам'ятаю, що я щось питала його, але він нічого мені не казав. І десь через два чи три тижні, вже точно не пам'ятаю, я дізналася, що вагітна. Через дев'ять місяців я народила хлопчика. Ми його назвали на честь діда Андрієм [Женщина, 1969 г. р., четверо детей].

Состояние женщины во время беременности всячески идеализируется. Подчеркивается значимость поведения беременной, влияние его на черты будущих детей.

Як я була вагітною, намагалася спілкуватися тільки з приємними людьми; читати хороші книжки, слухати приємну музику (для мене це класика або класика в сучасному аранжуванні), дивилася на красивих людей (коли була вагітна сином, інстинктивно дивилася на красивих чоловіків, коли донькою – на дівчат) [Женщина, 1980 г. р., двое детей].

⁹ Там же.

¹⁰ Здесь и далее в цитируемых примерах натальных нарративов сохранены язык и стилистика высказываний информантов.

Этнолог Эва Новина-Срочинська видит в подобных описаниях реализацию хронотопа Рая: «Беременная женщина должна жить в ситуации, приближенной к райской. Поэтому нельзя ей ни в чем отказывать, она должна смотреть на красивые вещи, есть самую лучшую еду, вообще вести себя достойно и набожно»¹¹. Как утверждает исследовательница, даже не нашедшие речевого воплощения «народные верования и народные представления <о беременности и родах>, без сомнения, были детерминированы двумя великими мифами: мифом Эдема и Золотого века»¹².

В противоположность мифологическому, исторический текст фиксирует не закономерности, а аномалии:

Таковы были устные рассказы о «происшествиях», «новостях», разнообразных счастливых и несчастных эксцессах. Если там фиксировался принцип, то здесь случай¹³.

Истории о различных счастливых или несчастливых случаях также достаточно распространены в натальном нарративе:

В однієї моєї знайомої є пляма коричневого кольору в вигляді собаки на носі. І... мені розповідали, що коли її мама була вагітною, то вона злякалася собаку і доторкнулася рукою до ноги. Тому і в дитини пляма [Женщина, 1980 г.р., двое детей].

А потім в роддомі казали, що [...] одна родила дитину і в неї ручки по лікоть не було, що вона була вагітна, і це було якось, — яке ж то було свято? Чи то в п'ятницю, кажуть, не можна так дуже робити, тоді, як плащівницю виносять... І вона так... чи то було телятка, чи то свині так ногу відрубала. І от коли, каже, родилась, вона собі згадала. Ну чи то так співпало, чи то так... Що вона в якесь свято відрубала [Женщина, 1957 г. р., двое детей].

Таким образом, натальный нарратив содержит два отличительных типа повествовательных мотивов. Условно их можно назвать мифологическими и событийными. Используя мифологические мотивы, женщина повествует о своем опыте беременности и родов, опираясь при этом на мифологические представления о материнстве, свойственные современному человеку. Сюжетное развертывание событийных мотивов воплощает рассказы о неожиданностях и случайностях, которые, как правило, приключились не с рассказчицей, а с ее знакомыми. Сама женщина могла быть участницей этих событий или слышать о них от других людей. В отличие от мифологических мотивов, которые часто являются описанием определенного состояния, эти мотивы всегда содержат событийное ядро:

Я чула таку притчу. Пішла дівчина у невістки. І не могла дитину родити. Поїхали вони до бабці, яка замовляє на воду. І, вона їм замовила. Вони їздили з свекрухою. Свекруха пийне води і невісці дасть пийнути. Свекруха завагітніла і невістка завагітніла. І згодом породили діти [Женщина, 1944 г. р., двое детей].

¹¹ E. Nowina-Sroczyńska, *Przezroczyście ramiona ojca: Studium etnologiczne o magicznych dzieciach*, Łódź 1997, с. 30.

¹² Там же, с. 64.

¹³ Ю. М. Лотман, *Семіосфера...*, с. 278.

Существенные различия состоят также в типе повествования. Если в случае мифологического рассказа мы имеем дело с гомодиегетическим нарратором, то в случае рассказа о происшествии, характер наррации меняется на гетеродиегетический¹⁴. Это согласуется с наблюдениями Ю. Лотмана о характере организации повествования в мифологическом и сюжетном тексте.

Миф всегда говорит обо мне. «Новость», анекдот повествуют о другом. Первое организует мир слушателя, второе добавляет интересные подробности к знанию этого мира¹⁵.

Не менее значимыми оказались наблюдения, касающиеся главного действующего лица натального нарратива. В мифологических текстах герой всегда пассивен. Он не действует, а лишь принимает воздействие на себя высших сил или обстоятельств и подчиняется им, утверждая таким образом определенную норму поведения.

Роды – кульминационный момент натального нарратива. Русская исследовательница Екатерина Белоусова считает рассказ о родах «высоким» фольклорным жанром, в котором описываются героические и сакральные события¹⁶. Женщинам свойственно рассказывать о собственных родах как об уникальном процессе. В тексте всячески подчеркивается, что с ними это происходит не так, как у всех остальных.

[...] а Ростіка то я взагалі родила, як тільки приїхала в лікарню, вона ще не встигла ні історію завести, нічо, як в мене народилася дитина. Вона казала, що: «Я ще такого не бачила, щоб так скоро жінка народила» [Жінка, 1969 р.н., четверо дітей].

І малою я дуже важко родила, а малу – легко, за чотири години. Доходила до останнього, без ніяких стимуляцій, я сама пішки пішла в роддом, я там домовилася з лікаркою, дуже хороша – К. В. І., ми з нею контакт мали такий чисто психологічний... І вона мені казала, що я народжу до четвертої години, це я дуже добре пам'ятаю, бо я прийшла о восьмій годині, ну і поки то все там, ті всі санпропускники, то ніби десь в пів десятої я вже була в палаті, а в дванадцять п'ятнадцять я народила малу. Дуже швидко. Причому чотири двісті, без жодного розриву, причому через дві години, ні, через три години я сама встала й пішла в туалет. Ну це взагалі, я вам кажу, як в казці, і та акушерка каже до мене: слухай, ти як в казці народила ту дитину [Женщина, 1979 г. р., двое детей].

В одном рассказе могут сочетаться мифологические представления и рассказ о беременности и родах как об исключительном событии:

Моїй мамі на роботі її подруга розповідала, що вона чула десь про жінку, яка не могла завагітніти, ходила до різних лікарів і їй сказали, що вона вже не

¹⁴ Ж. Женетт, *Повествовательный дискурс. Фигуры. В 2-х томах*, Москва 1998, т. 2, с. 253.

¹⁵ Ю. М. Лотман, *Семиосфера...*, с. 278.

¹⁶ Е. А. Белоусова, *Родовая боль в антропологической перспективе*, «Arbor Mundi: Международный журнал по теории и истории мировой культуры», вып. 6, 1998, с. 48–57.

може мати дітей і якщо вона завагітніє, то може бути вагітність або позама-точна або при народженні або дитина, або матір помре. І от так сталося, що жінка завагітніла, і лікарі казали, що їй потрібно позбутися дитини, тому що будуть проблеми. Жінка була вже досить такого зрілого віку і дуже хотіла дітей, — в неї ще не було дітей. І їй тоді приснився сон, їй здавалося, що це був навіть не сон, а це було наяву. Що в неї з'явилася Божа Матір і просто ска-зала їй, що все буде добре, я тебе охороняю. Жінка дуже сумнівалася, але вона лишила дитину і вже коли вона мала народжувати, то так сталося, що вона майже до лікарні не доїхала і народила по дорозі в швидкій сама нормальну здорову дитину і все було добре і ніяких проблем не було.

Что касается событийных сюжетов, то здесь необходимо говорить о двух типах действующих лиц: героем повествования может выступать сама рассказчица (гомодиегетический нарратор) или же в нем рассказывается об опыте другой женщины (гетеродиегетический нарратор). Герой в гомодиегетическом нарративе всегда ведет себя активно, утверждая при этом свою исключительность. Его задача – пересечение границы некоего семиотического пространства. Ежели в событийном тексте речь идет не обо мне, а о другом, то здесь герой оказывается лишь орудием в руках судьбы, кото-рую ему уготовано принять.

Ну а потім почалися роди, я там наробила крику-руху, і сказала, що мені і так більше родити неможна, в мене короткозорість, і десь поїхали по місцеву лікарку-акушерку, а мене на стіл, і я почала родити. Вони боялися за мій зір, і одна до другої кажуть: «Давай вакуум», а я наробила крику-руху: «Ніяких мені вакуумів, ви що думаєте, що я не знаю, що таке вакуум, що мені дитині сплющиться голівка?», поки вони ся зрухали, я за той час і вродила сама [Женщина, 1969 г. р., один ребенок].

А от Анка відчувала, що в неї буде щось не так. Вона відчувала всю вагітність. Це був просто якийсь кошмар. Я її сварила, кажу, що не можна думати так. «Не смогу родити» – в неї це була постійна фраза [...] Я на другий день зайшла до неї з роботи. Зайшла до неї, вона дома, в неї продовжуються схватки. Але схватки йдуть, не посилюються схватки. Кажу: «Слухай, Анка, треба терміново в роддом, це є щось мене вже насторожує». Тому що схватки. Вони повинні по наростаючій йти. Доба пройшла: в неї схватки як йдуть. Так і йдуть, не посилюються. То, по суті, я її витолкала. Костя якраз прийшов і він її відвів в родом. В роддомі в неї, вона каже. Почалось, 12 година вже була. Відійшли води. Вона до цього лікаря чергового каже: «В мене води відійшли». Він каже: «Тебе показалося» [...]. Вони нічого не підприємляли і вона до самого ранку була, і аж на другий день, коли прийшла друга лікарка, кинулися. Вже було пізно кесарити, вже головка опустилася в таз. І ту дитину тягнули вакуу-мом. І тут явно, і коли вже витягнули, виявилось, що пуповина в неї була де-сять сантиметрів. Вона в принципі не могла родити. Розумієш, якби тоді УЗІ не було, зараз на УЗІ видно було б зразу. В неї пуповина була 10 сантиметрів. Головку пошкодили. Якби кесарево, була б нормальна дитина [Женщина, 1944 г. р., двое детей].

Таким образом, героем в натальном нарративе всегда оказывается рассказчица истории. Герой сюжетного текста пересекает определенную границу, нарушает норму, в противоположность ему, герой мифа утвер-ждает норму. Парадокс натального нарратива заключается в том, что глав-ная героиня, с одной стороны, утверждает норму (в текстах мифологиче-

ского характера), а, с другой стороны, подчеркнуто нарушает ее (в сюжетных текстах), подчеркивая при этом свою исключительность.

Таким образом, современный натальный нарратив испытывает влияние двух структурных типов текста: мифологического и исторического. Подобно мифологическому тексту, натальный нарратив утверждает определенные мировоззренческие и поведенческие нормы. Подобно текстам исторического (сюжетного типа), натальный нарратив повествует о исключительных событиях в жизни женщины или же о необычайном случае, который произошел с ее знакомыми. Героиня натального нарратива пересекает определенную семантическую границу, подтверждая при этом статус собственной исключительности.

Summary

OKSANA LABASCHUCK

MYTH VS. HISTORY IN THE NATAL NARRATIVES ABOUT PREGNANCY AND BIRTH

In the article contemporary natal narrative is studied from the perspective of the influence of mythological and story types of texts on it. Natal narrative being similar to mythological text confirms some norms of world outlook and behavior. Natal narrative, like many texts of the story type, is about extraordinary events in a woman's life or about an exceptional situation, which has happened to her acquaintances. The heroine of the natal narrative crosses a definite semantic border, reasserting the status of her exceptional nature.

Key words: folk memorat, natal narrative, mythological text, story text, motif, plot.